

К. А. Иванов

**Средневековая деревня и её
обитатели**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. А. Иванов**
Средневековая деревня и её обитатели / К. А. Иванов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 144 с.

ISBN 978-5-458-27715-0

"Нигде рыцарство не выразилось в такой полной и яркой форме, как во Франции, отсюда же распространились в Западной Европе многие рыцарские обычаи, одним словом для ознакомления с средневековым рыцарством лучше всего сосредоточить внимание читателя на Франции, указывая только некоторые характерные уклонения и особенности, проявлявшиеся в других странах. Но, так как и Французское рыцарство пережило ряд весьма существенных перемен, то пришлось ограничиться только известной эпохой... Наиболее характерной эпохой в истории рыцарства являются XII-XIII вв., как период его процветания. Всем вышеизложенным объясняются содержание и характер настоящей работы."

ISBN 978-5-458-27715-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На развалинах Рима.

Один из древнейших христианских писателей ¹⁾, ссылаясь на писателя языческого, рассказывает следующую поэтическую легенду о царе Тарквинии ²⁾ и Кумской прорицательнице, его навестившей. Явившись к римскому царю, Кумская сивилла (пророчица) предложила ему купить за 300 золотых монет девять книг, в которых была начертана вся будущая судьба Рима. Тарквиний не пожелал дать требуемой суммы и начал торговаться с прорицательницей. Последняя, в ответ на это, взяла три из принесенных ей книг и бросила их в горевший тут же огонь, где они скоро превратились в пепел. После этого она снова предложила царю купить оставшиеся шесть книг, но назначила за них прежнюю цену, ей объявленную. Тарквиний посмеялся над нею, как над безумною, и за оставшиеся в целости книги предложил еще меньшую плату, сравнительно с тою, которую давал за все девять книг. Сивилла бросила в огонь еще три книги и в третий раз предложила царю не пренебрегать принесенным ей товаром, но теперь за последние три книги она требовала все той же, ранее назначенной ей платы. На царя нашло раздумье, он был поражен

¹⁾ Творения *Лактанция*, перев. Карнеева, СПб. 1848 г. Божественный наставления, кн. I, гл. 6.

²⁾ Эта легенда одинаково относится древними писателями к обоим Тарквиниям. — и Приску, и Гордому.

поступками сивиллы и, боясь, что навсегда лишится сам и лишит своих потомков возможности заглянуть в таинственную будущность Рима, приказал уплатить Кумской пророчице 300 золотых монет, а купленные книги содержать в полной сохранности. С того времени римляне раскрывали эти книги в годы каких-либо общественных бедствий или перед началом войн, чтобы прочитать на пророческих страницах совет, указание или предсказание, касающиеся того или другого насущного вопроса.

Эта сага была записана в ту пору, когда Рим почти достигнул своих отдаленнейших границ, незадолго до переворота, заменившего Римскую республику империей. В то время естественно возникал у многих вопрос, что сулит Риму его грядущая судьба, какой период наступит за славным периодом громких побед и блистательных завоеваний? Если бы возможно было хоть немного приоткрыть ту завесу, которая скрывает будущность его! Вопрос оставался без ответа или, лучше сказать, вызывал следующий ответ: будущее неизвестно; был случай узнать его, но царь Тарквиний пренебрег им. И, конечно, огромному большинству римского населения будущее представлялось далеко не в том виде, в каком суждено было проявиться ему.

Но встречались отдельные лица, и даже несколько ранее указанной нами поры, лица, которые, задумываясь над судьбою своего отечества, испытывали далеко не радостные чувства и как бы пророчески провидели заключительные явления трагической истории Рима. К таким личностям принадлежал герой третьей пунической войны, Сципион Младший. „Говорят, — рассказывает историк Полибий, — что, при виде до основания разрушенного Карфагена, Сципион пролил несколько слез, оплакивая участь своих врагов. Долгое время он

оставался в задумчивости. Поразмыслив о том, что судьба городов, народов и всех государств так же переменчива, как судьба отдельных людей, что такова была судьба Илиона, города когда-то процветавшего, что таковы были судьбы ассирийян, мидян, персов, бывших некогда столь могущественными, такова наконец была судьба македонян, память о славе которых была еще так жива в то время, он продекламировал, или под влиянием невольного волнения или под влиянием раздумья, следующие стихи из Гомера:

Будет некогда день, и погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

Когда Полибий спросил у него, какой смысл придает он этим словам, Сципион отвечал ему, что под Троей он подразумевает свое отечество, что он боится за свое отечество, которому, в силу переменчивости судьбы человеческой, может предстоять подобный же конец".

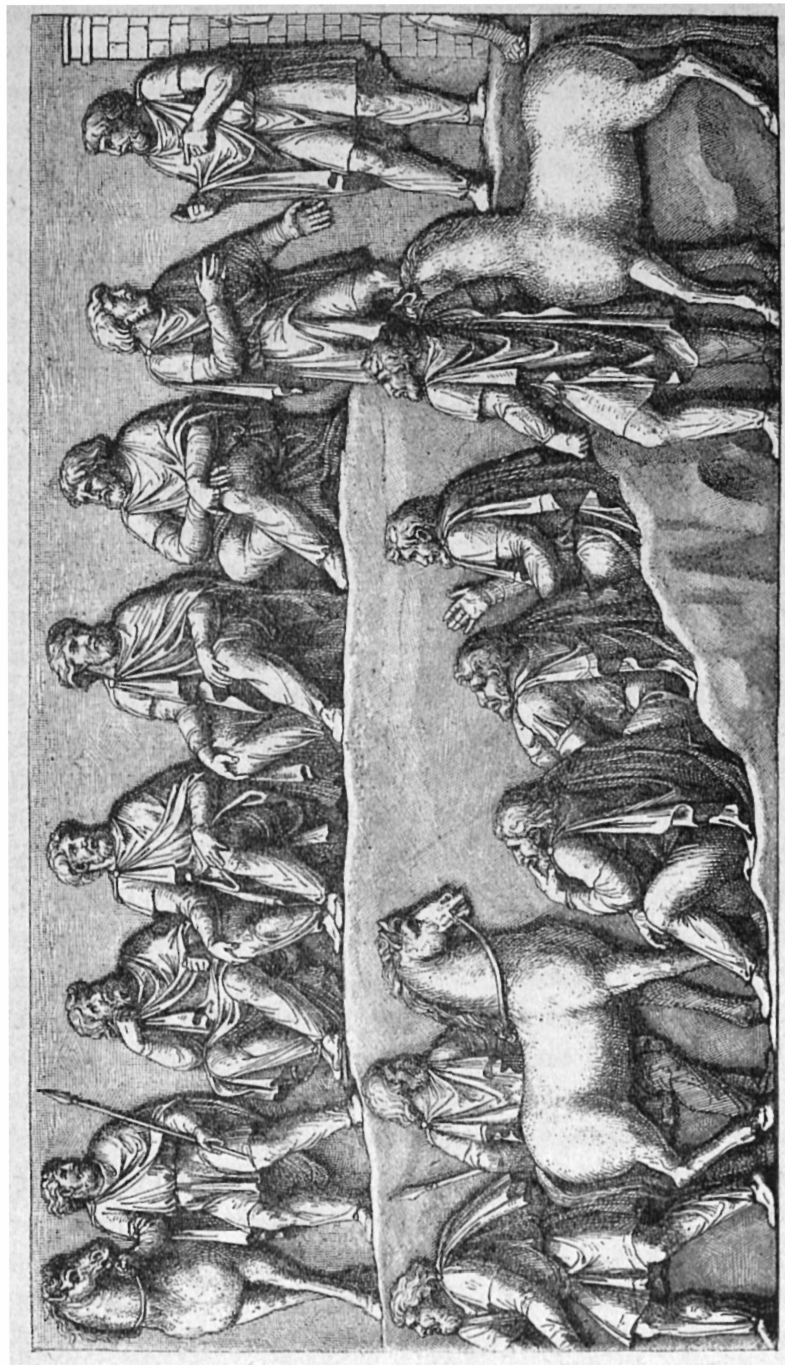
И действительно, нечто подобное совершилось с великим Римским государством. Сама гибель его „таилась" там, откуда Рим не ожидал её, — в зарейнских и задунайских странах, населенных варварскими народами германского племени. Римляне то враждовали, то дружили с ними, римский воин вносил туда огонь и разрушение, римский купец заносил туда свои товары, римское правительство открывало свои границы для целых народностей и селило их на своей земле. После того наступила пора почти непрерывной, трагической борьбы: германцы прорывали римские границы, римляне сдерживали их натиск, как крепкие плотины сдерживают напор расхлывшихся океанических волн. Но вот океан прорвал плотины: варварские народности, одна за другой, разлились по обширной поверхности Западной Римской империи; им сопут-

ствовали разрушения и пожары. Совершилось то, что смутно представлял себе Сципион, чего не было сказано в сохранившихся Сивиллиных книгах: Западная Римская империя перестала существовать. На её землях поселились варварские народности, подчинившие себе и римлян, и те народы, которые когда-то покорились римлянам, а теперь были совершенно романизованы ими. Так появился новый этнографический слой на землях, принадлежавших Риму. Победители-варвары, поселившись в разных частях империи, образовали на развалинах Рима свои собственные, варварские королевства.

На развалинах Рима возникла новая жизнь, но не сразу установились формы её, и этому установлению предшествовала пора внешних войн, внутренних междоусобиц, тяжелая переходная пора.

Прежде чем говорить о зачатках новой формы политического и общественного быта, с X-го века установившегося во всех государствах, основанных германскими народами, мы должны ответить на два естественно возникающих вопроса: что представляли собою варвары? в каком состоянии застали они разграбленную ими империю?

Варвары были в то время частью язычниками, частью христианами арианского толка. Они были мужественны и выносливы, высоко ценили чистоту нравов и относились с величайшим уважением к женщине, отличались своим гостеприимством и необыкновенною внимательностью к своим сотрапезникам и гостям, но в то же время были невежественны и суеверны, войну и грабеж предпочитали мирным занятиям и, чувствуя природную склонность к бездействию, которая поддерживалась и самым образом их жизни, охотно возлагали все тяжелые работы на женщин, старцев, на слабых членов семьи и рабов своих. По свидетельству Тацита, пить целый день и целую ночь у германцев не считалось постыдным, а частые пиршества были

Народное собрание германцев (с колонны Марка Аврелия)

причинами не только раздоров, но и убийств. Любимейшим времяпрепровождением были: или азартная игра в кости, при чем проигрывалось не только состояние, но и личная свобода, или охота, доставлявшая материал для пищи и одежды, или воинственный танец с перепрыгиванием через мечи, воткнутые рукоятками в землю. Вот главные положительные и отрицательные черты в народном характере германцев. — Главным средством к жизни было у них скотоводство, хотя они занимались и земледелием, при чем разводились исключительно хлебные растения, землей не дорожили, не заботились об её удобрении, а, истощив, покидали ее и обращались к обработке новых участков. Сами участки земли не составляли частной собственности отдельных лиц, а отводились в общее владение известной семьи или рода. Они и жили такими отдельными родами. Родственные связи были необыкновенно крепки; даже военные отряды составлялись во время войны из родичей: „вблизи их все дорогое, — говорит Тацит, — и со своего места они могут слышать и вопли своих жен, и плач своих детей“. Воинственная, по преимуществу, жизнь германцев выдвигала из их среды выдающихся вождей, собиравших вокруг себя более или менее многочисленную дружину, которая была тесно связана с личностью своего вождя, „во время мира была его украшением, а во время войны — опорой“. Некоторые из таких вождей становились наследственными предводителями, герцогами или королями. Главную часть каждого германского народа составляло сословие *свободных* людей, из которого выделялась лишь небольшая группа людей *знатных*. На землях свободных людей жили рабы и крепостные. Вот каковы были германцы. То было племя воинственное, неиспорченное благами житейскими, при своей грубости и даже дикости способное проявлять высокие нрав-

ственные чувства и только что переходившее от быта патриархального к быту политическому. Перед ними, детьми природы, жизнь лежала впереди.

Рим отжил свое время. Императорская власть была слаба; сперва она еще вела оборонительную войну с варварами, но потом, как бы сознавая бессилие свое, предоставила событиям совершаться своим чередом, отдалась течению, и могучее течение нанесло ее на подводный камень. Защитниками Рима были те же германцы, состоявшие у него на службе. Правителями Рима скоро сделались предводители германских отрядов. Связь между Римом и провинциями порвалась. Под страшным натиском варваров и тень единства исчезла: всякий думал только о себе и поступал согласно с собственными выгодами. Риму не было больше дела до провинций: он или отдавал их варварам, думая этим удержать их за собою на основании особых договоров, или просто покидал их на произвол судьбы, собирая все свои силы для собственной защиты. Провинциям, угнетавшимся поборами и повинностями, не было дела до Рима. результатом таких отношений и могло быть лишь расчленение Западной Римской империи; еще задолго до катастрофы, ниспровергшей империю, провинции её стремились к отделению от Рима, провозглашая своих собственных императоров; теперь же эта старая рознь должна была обостриться. Рознь не ограничивалась, впрочем, только указанным кругом: она проникала в самое общество одряхлевшего Рима. На эту рознь, на это развитие эгоизма в среде римского населения указывают следующие слова пресвитера Сальвиана, жившего и писавшего в период разрушения Западной Римской империи. „Почти все варвары, — говорит он — принадлежащие только к одному племени и управляемые одним королем, взаимно любят друг друга, а почти все римляне друг

друга преследуют. Какой гражданин у нас не ненавидит другого гражданина? Кто вполне расположен к своему соседу? Все далеки друг от друга, если не по месту своего жительства, то по своим чувствами; хотя соединяются одним и тем же жилищем, но в духовном отношении далеки друг от друга" ¹⁾). Тот же Сальвиан отмечает экономический гнет, лежавший на римском населении и совершенно не соответствовавший его силам. „Еще тяжелее то, — продолжает он, — что большинство обирается немногими, и общественные подати стали частною добычей; так поступают не только высшие, но и низшие, не только судьи, но и повинующиеся им" ²⁾). „Бедные ограбляются, стонут вдовы, сироты угнетаются до такой степени, что многие из них, принадлежащие к известным фамилиям и хорошо образованные, бегут к неприятелям, чтобы не умереть от огорчения, вызываемого открытым преследованием; они ищут у варваров римского человеколюбия, так как не в состоянии переносить варварскую бесчеловечность у римлян... Они предпочитают вести свободную жизнь под видом плена, чем быть пленниками под внешностью свободы" ³⁾). Далее Сальвиан обращает внимание на печальное положение низшего населения Галлии, которое или бежит к врагам, или поднимает восстания, или, желая найти защиту у сильного и богатого человека, отказывается в его пользу от своей собственности и свободы, чтобы таким образом уйти от разорительных поборов. „И мы еще удивляемся, — говорит он — если вар-

¹⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. V, 4.

²⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. V, 4.

³⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. IV, 5, quarentes scilicet apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt... Malunt enim sub specie captivitatis vivere libere, quam sub specie libertatis esse captivi.

вары берут нас в плен, тогда как сами делаем пленниками своих братьев? Нечего, следовательно, удивляться опустошением и истреблению граждан" ¹). Другой римский писатель, Аммиан Марцеллин, живший перед самым началом роковых варварских вторжений, рисует в своей истории замечательно яркими красками типы представителей высшего сословия современной ему эпохи. „Хвастовство, с которым они представляют на показ списки своих поместий в провинциях Восточной и Западной империй, при чем иногда приписываются и лишние, возбуждает негодование, особенно когда припомнишь мужество и бедность наших предков, которые не отличались от простого воина ни пищей, ни одеждой; но современная нам знать измеряет свое достоинство и важность высотой экипажа и тяжеловесным великолепием своих одежд. Длинные одежды из пурпура и шелку развеваются по ветру и дают возможность рассмотреть под ними богатую туннику, украшенную вышивками, изображающими различных животных... Сопровождаемые свитой в пятьдесят человек прислуги, их закрытые колесницы потрясают мостовую и дома, когда они катятся по улице с необыкновенною быстротою... При выходе из ванны, эти великодушные личности надевают свои перстни, драгоценные камни и знаки своего отличия; потом облакаются в дорогие хитоны, полотна которых хватило бы на 12 человек; затем следуют верхние одежды, которые льстят их самолюбию, и при всем этом они заботятся принять на себя величественную осанку"... ²). Глядя на иного, продолжает

¹) *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. IV, 9.

²) Приводим отрывки из перевода или вернее пересказа некоторых глав Аммиановой истории, помещенного в известной хрестоматии Стасюлевича. У Аммиана (в его *Regum gestarum libri*, изд. Теубнера) соединенные здесь в одно целое места разбросаны, преимущественно в XIV, 6, 9—10 и XXVIII, 4, 17—19.